

УДК 7.074:928

Анна Ларина,

зам. зав. отделом изоизданий РГБ, канд. ист. наук

П. СЕВАСТЬЯНОВ И ИСКУССТВО СВЕТОПИСИ В 1850-Х ГОДАХ

Статья посвящена анализу развития искусства фотографии в 1850-х годах и деятельности известного исследователя и коллекционера славянских давностей П. Севастьянова. Особое внимание уделяется его экспедициям на Афон, увлечению светописью и новаторским идеям в применении фотографии.

Ключевые слова: искусство фотографии, славянские давности, Афонские монастыри; art of photography, slavic antiquities, Athos monasteries.

Круг литературы о деятельности и собрании П. Севастьянова довольно широк: как в дореволюционной, так и современной историографии, в отечественной и зарубежной [1]. Редкое издание, посвященное Афону и изучению христианских давностей, обходится без упоминания имени известного археолога и путешественника XIX в. В то же время если собрание рукописей, икон и вещей изучено сравнительно подробно, то его архивное наследие еще ждет своего исследователя. Кроме того, в силу необычайной многогранности личности П. Севастьянова и распределенного хранения сформированной им коллекции, возможны и новые открытия, и ракурсы обзоров.

Обстоятельство лишь частичного введения в научный оборот тетради с видами Афонских монастырей из фонда оригинальных фотографий отдела изоизданий Российской государственной библиотеки дает возможность еще раз поразмышлять о П. Севастьянове как фотографе, его вкладе в развитие искусства светописи и о роли фотографии в обществе и науке в середине XIX в.

Получив хорошее образование (вначале дома под руководством выдающегося государственного деятеля М. Сперанского, а потом в Пансионе для благородных детей И. Галушки и Московском университете), П. Севастьянова был сформирован как разносторонняя личность со множеством интересов и талантов. В полной мере они раскрылись после ухода со службы в его увлечениях – разыскании давних памятников и их коллекционировании. Подобно большинству своих современников,

В. Севастьянов был неплохим рисовальщиком. В его архиве сохранилось немало любопытных рисунков. Поэтому неудивительно, что в свое время он не только освоил искусство светописа, но и почувствовал его преимущество для науки.

Скорее всего во время первых краткосрочных посещений Святой Горы в 1851 и 1852 г., П. Севастьянов еще не владел искусством фотографии. Но, вероятно, именно тогда в голове ученого появилась идея этому научиться. Ознакомившись с невероятным богатством библиотек афонских монастырей, понимая их ценность и значение, П. Севастьянов ждал окончания Крымской войны и готовился к более длительной поездке. В одном из своих дневников ученый записал: «Имея в виду провести лето на Афоне, я решился изучить фотографию с тем, чтобы применить ее к снятию копий с рукописей, актов... скульптурных вещей, хранящихся в монастырях Афона» [2].

Мысль об использовании фотографии для репродуцирования художественных памятников к этому времени уже не была нова. Правда, далеко не все первые опыты были успешными, поэтому часто встречаются критические отзывы о снимках с картин и предметов. В середине 1850-х годов фотографы разных стран мира начали тиражировать выдающиеся произведения искусства, включая снимки отдельных экспонатов из крупных музеев [3]. В 1856 г. в ответ на статью хранителя Парижской императорской библиотеки А. Делабора вышла знаменитая статья В. Стасова «Фотография и гравюра», ставившая утилитарные возможности фотографии выше эстетических. В то же время, отдавая ей должное, отмечая ее быструю эволюцию, он утверждал, что фотография «будет одним из двигателей и ускорителей просвещения», являясь «безграничным, быстрым и удобным» способом копирования «всякого рода вещей, всех созданий мира».

Однако реализация этой задачи на деле была невероятно трудной по целому ряду причин: технологический процесс оставался довольно трудоемким и дорогостоящим, большинство первых фотографов были иностранцами, и многие из них предпочитали держать в тайне секреты своего мастерства. При этом важно помнить, что фотографы XIX в. должны были уметь создавать различные фотографические растворы, учитывая особенности различных материалов, химических составов и погодных условий. В голове приходилось держать множество формул, а на себе (или с помощью ассистента) нести тяжелое оборудование.

Тем не менее, в начале 1857 г. П. Севастьянов приехал в Париж «изучить фотографию с целью приспособить ее к снятию копий с замечательных манускриптов, живописи и скульптуры». Он брал уроки у французского

мастера Беллони. Одновременно с этим велись и работы по подготовке к поездке: поиски помощника, хлопоты по доставке на Афон более 100 пудов материалов для фотографирования, в том числе весьма хрупкий груз – более 500 стекол. Сохранились записи занятий фотографией с рецептами фотографических растворов, перечнями необходимых материалов, различными рисунками.

В поездке 1857 г. П. Севастьянов и начал на практике применять полученные знания: «С помощью одного молодого художника, который вместе со мною изучал фотографию в Париже, с которым занимались ежедневно от восхода до заката солнца». В результате, как пишет П. Севастьянов, «мы успели снять в три месяца до 300 клише» [4]. Делая эти записки спустя год, их автор сокрушался, что число сделанного было так мало.

Высокой оценки заслуживает и научный подход подготовки экспедиции на Афон последующих лет. В 1858 г. архимандритом Порфирием, известным археологом и археографом, было составлено подробное «Указание русским художникам при посещении Св. Афонской горы» [5], с очерком истории и топографии местности, обзором выдающихся памятников – архитектуры, иконописи, церковной утвари и т. д. Судя по различным замечаниям и заметкам, сделанным на листах рукой П. Севастьянова, можно предположить, что это сочинение было главным руководством при выборе объектов для фотографирования церковно-археологических памятников афонских монастырей [6]. Еще одна инструкция по проведению обследования монастырей на Афоне была составлена 17 марта 1859 г. Археографической комиссией Министерства народного просвещения [7]. Тем не менее, спустя годы известный византиновед Н. Кондаков в письме В. Стасову от 20 ноября 1896 г. критично отмечал, что выбор памятников «сделан без разбора и чужд исторической критике», так как необходимых знаний в середине века еще не было [8].

«В апреле 1858 г. я снова прибыл на Афон, с другим помощником и новым запасом материалов, который составил... до 120 пудов и 50 ящиков. Во время моего отсутствия помощниками моими было сделано очень мало, сколь от непогоды, столько и моральной болезни – тоскою по родине...» [9]. Действительно, проживание и работа на Святой Горе были непростым испытанием для всех участников экспедиции. Об этом писали в газетах [10], строгие требования оговаривались в «условии для вступающих на службу в ученую и художественную экспедицию на Афон под начальством Севастьянова» [11], составленном в 1859 г.

Количество снимков, сделанных только во время его экспедиции на Афон, насчитывает несколько тысяч. Хотя надо признаться, что

задача такого подсчета представляется довольно нелегкой – в разных документах и публикациях, отчетах о работе используются различные названия: «снимки», «фотографии», нередко – более широкое понятие «копии». В архиве ученого есть большое число разных писем и счетов, договоров с фотографами и художниками, работавших под его началом на Афоне. Среди бумаг П. Севастьянова имеется целый ряд просьб прислать фотокопии с тех или иных документов и множество писем с благодарностью, присланных в ответ за полученные фотографии.

Среди множества фотографических работ, созданных П. Севастьяновым или под его руководством, выделяются видовые фотографии, сделанные во время его путешествий. В обзоре одной из выставок, устроенных после окончания экспедиции, было справедливо написано: «Виды монастырей Ватопедского, Хиландарского и других, также украшают собрание г. Севастьянова» [12].

Тетрадь из тонких листов бумаги размером 35 × 27,5 см, сшитых вручную (подобные встречаются в архиве ученого), содержит около 200 снимков разного размера. На листе наполовину утраченном, служившим обложкой, чернилами написано «Отдел Виды», карандашом исправлено: «фотографическ. наклеенных видов Афона на 47 листах...». На первом листе сохранилась опись 89 снимков, составленная чернилами рукой П. Севастьянова. Напротив некоторой части наименований стоят пометки «галочки» и знаки вопросов, уточнения «стекло». На части снимков номера поставлены чернилами несомненно самим П. Севастьяновым, сквозная нумерация карандашом на листах, скорее всего, была записана позднее.

Вероятно, снимки не были сделаны одномоментно, иначе не имело бы смысла выделение ряда из них уточнением «1857 год». В пользу этого предположения говорят и названия некоторых фотографий («Афон зимой», «Келья всех святых зимой»), эти кадры могли быть сделаны только во время длительных поездок 1858 или 1859 г. В одном из перечней работ, произведенных на Афоне, указано, что было «снято видов монастырей до 50» [13]. Кроме афонских видов, в альбоме представлены фотографии Афин и одна фотография Венеции.

Интересно, что в этом альбоме фотографии выполнены в разных жанрах – видовой, портретной и жанровой съемки. Кроме обычных снимков, в тетради присутствует много сюжетов, созданных в технике стереофотографии. Нередко один и тот же объект снимается несколько раз с небольшим изменением точки съемки или ракурса, фиксируя определенные стороны света (с юго-востока, на северо-запад и т. д.), с разной

степеню резкости. Обращает на себя внимание такой редкий и для более поздней фотографии сюжет, как крестный ход. Дошедшие до нас виды афонских монастырей – редкая страница в фотолетописи Афона, сохранившая для истории давний облик многих объектов, утраченных или частично перестроенных впоследствии.

В феврале 1858 г. П. Севастьянов выступил с докладом и демонстрацией привезенных с Афона снимков в Парижской академии надписей и словесности. Он подвел определенные итоги экспедиции и на основе своего опыта предложил ввести в практику библиотек использование фотографии для целей сохранности фондов и развития просвещения. Внесенные им предложения не утратили актуальности до сих пор. Он предложил, говоря современным языком, сделать архивную копию на непредвиденные случаи и создание фототеки (с обменным фондом) при крупнейших библиотеках: «Несмотря на все предосторожности, всегда будут несчастные случаи, например пожары, которые могут истребить памятники. Поэтому не полезно ли было бы употребить фотографическое искусство для снимка драгоценнейших и редчайших памятников? В таком случае, не следует ли каждой европейской библиотеке устроить фотографическое отделение, для воспроизведения всего, что в ней есть драгоценнейшего, и после трех или четырех лет работы делать взаимный обмен снимками?» [14]. При этом с глубоким знанием дела он говорил о важности привлечения к данной работе правительства и ученых обществ (так как это не под силу одному ученому), о пользе организации научно-художественных экспедиций.

П. Севастьянов отмечал, что таким образом документы стали бы доступными для широкого круга ученых. Кроме того, он предложил идею факсимильных изданий с использованием фотолитографического воспроизведения. Он подчеркивал, что «это был бы для археологии столь же важный переворот, какой произвело книгопечатание для литературы и науки» [15]. При этом П. Севастьянов разумно отмечал важность безопасного способа копирования с точки зрения сохранности памятника: «Фотограф воспроизводит снимки издали, не касаясь оригинала и, следовательно, не подвергая его никакой порче». В архиве ученого сохранилось несколько черновики с текстом этого выступления на французском и русском языках, а также рецензия на его доклад неизвестного лица на французском языке.

В деятельности П. Севастьянова было много новаторского для своего времени: он первым применил фотографию в научных целях в масштабном экспедиционном проекте по заранее подготовленной программе. Многочисленные выставки привезенных с Афона давностей

и фотоматериалов – это в своем роде первые фотовыставки в России. Он один из первых рискнул собирать не только подлинники, но и их копии, придавая первостепенное значение доступности источника для изучения и его сохранение для истории. Несомненно, имя П. Севастьянова достойно благодарной памяти потомков.

Список использованных источников

1. Энциклопедический словарь / А. Ф. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1900. – Т. XXIX. – С. 294–295; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век / Г. И. Вздорнов. – М., 1986. – С. 296; *Папулидис К.* Деятельность П. И. Севастьянова и Порфирия Успенского на Св. Горе в середине XIX века / К. Папулидис // Россия – Афон: тысячелетие духовного единства : материалы междунар. науч.-богосл. конф. – М., 2008. – С. 256.
2. *Пятницкий Ю. А.* П. И. Севастьянов и его собрание / Ю. А. Пятницкий // Византиноведение в Эрмитаже. – Л., 1991. – С. 14.
3. *Бархатова Е. В.* Русская светопись: Первый век фотоискусства 1839–1914 / Е. В. Бархатова. – СПб., 2009. – С. 62–63.
4. ОР РГБ. Ф. 269/І. К. 26. Ед. хр. 64. Л. 1.
5. ОР РГБ. Ф. 269. К. 32. Ед. хр. 24.
6. *Викторов А.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова / А. Викторов. – М., 1881. – С. 115–116.
7. ОР РГБ. Ф. 269. К. 26. Ед. хр. 5.
8. *Кызласова И. Л.* О коллекции П. И. Севастьянова в музеях Москвы / И. Л. Кызласова // Давности монастырей Афона X–XVII веков в России: Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья : каталог выставки (17 мая – 4 июля 2004 г.). – М., 2004. – С. 216.
9. ОР РГБ. Ф. 269/І. К. 26. Ед. хр. 64. Л. 7.
10. *Художественное обозрение* // Светопись. – 1858. – № 10/11. – С. 217–219.
11. ОР РГБ. Ф. 269. К. 26. Ед. хр. 8.
12. *Поленов Д.* Снимки с икон и других давностей св. горы Афонской / Д. Поленов // Духовная беседа. – СПб., 1859. – Т. 5. – С. 388.
13. *Бархатова Е. В.* Указ. соч. – С. 78.
14. *Севастьянов П. И.* О светописи в отношении к археологии / П. О. Севастьянов // Известия Императорского Археологического Общества. – 1858. – Т. 1. – Вып. 5. – С. 257–261.
15. Там же.